

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков

СЕДЛО И СТРЕМЯ

Спор у Медного Всадника

*И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.*

А. С. Пушкин

...— Завершая нашу встречу с этим выдающимся творением скульптора Фальконе, я хочу еще раз подчеркнуть глубокий реализм образа Петра, необычайно удачную ритмическую связь его фигуры с конем, а всего изваяния — со скалой-постаментом, — громко произнесла молодая девушка-экскурсовод, обращаясь к группе стоявших возле нее людей.

— Скажите, — прервал ее один из присутствующих, — а что — разве Петр I не пользовался стремями? Ведь на статуе их нет!

Этот вопрос не был для экскурсовода неожиданным: ей, как видно, и раньше задавали его.

— В жизни царь, конечно же, пользовался стремями, — отвечала она своим хорошо поставленным голосом, — но талантливый скульптор, стремясь подчеркнуть целеустремленность преобразователя России, счел эту деталь, как, впрочем, и седло, излишней. Напомню вам, что писал по этому поводу Радищев в своем известном «Письме другу, жителю Tobольске» 8 августа 1782 года, то есть на следующий день после открытия монумента: «Узда простая, звериная кожа вместо седла, подпругою придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадник без стремян в полукафтаны, кушаком перепоясан, облеченный багряницею, имеющ главу, лаврами венчанную, и десницу простертую... Но позволю отгадать мне мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть препятствия, кои Петр имел, производя в действо свои намерения; змея, в пути лежащая, — коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвещение, кои Петр нашел в народе, который он преобразовать вознамерился...»¹

Эрудиция экскурсовода подавила толпу. Но в наступившей тишине неожиданно прозвучал голос какого-то скептика:

— Может быть, дело и не в этом. Ведь Петр изображен в одеянии древних римлян, а у них стремян вроде бы вообще не было. Я где-то читал, что Фальконе использовал в трактовке образа Петра некоторые черты памятника римскому императору Марку Аврелию...

— Верно, верно! — поддержал его сосед. — Об этом еще Адам Мицкевич писал..., — и тут он процитировал на память несколько строк из стихотворения Мицкевича «Памятник Петра Великого», в котором поэт прямо говорит о «царе-кнутодержце в тоге римлянина»².

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, М.-Л., 1938, с. 149—150.

² Мицкевич А. Собр. соч., т. 3, М., 1952, с. 267, 281—284.

— Ну, знаете ли,— решительно не согласился с этим другой экскурсант,— быть того не может, чтобы римляне не знали стремян; чтобы в Риме с его высокой культурой не было такой простой штуки! Стремена — вещь необходимая, уж я-то знаю, сам кавалерист. Попробуйте-ка проскакать часа два без седла и стремян, а потом уж и рассуждайте о Марке Аврелии!

Группе давно уже было пора возвращаться в гостиницу, и шофер автобуса, которого волновало не отсутствие стремян на царском монументе, а барахлившее реле стартера, начал нетерпеливо сигналить гиду. Но теперь уже, казалось, никакая сила не в состоянии была остановить спорщиков...

И неудивительно. Даже среди специалистов по истории материальной культуры человечества до сих пор нет единого мнения о том, когда, почему и при каких обстоятельствах возник такой специфический и весьма важный атрибут снаряжения всадника, как седло со стремянами. Между тем изображения всадников и конской упряжи известны с глубокой древности: около трех тысяч лет человека верхом на коне запечатлевали на камне, рисовали на фресках, его фигуру лепили из глины, отливали в металле. Многие древние авторы писали об использовании лошади для верховой езды, а Ксенофонт оставил своим потомкам даже специальный трактат «О коннице», в котором он между прочим подробно описывает требования, предъявляемые к конской упряжи. К этому следует добавить, что сама эта упряжь — нередкая находка в датированных археологических памятниках.

И тем не менее представления ученых о том, когда появились стремяна и жесткое седло, к которому они крепились, расходятся настолько резко, что разрыв в предлагаемых датировках составляет не десятилетия и даже не века, а целое тысячелетие...

Два ассирийских барельефа

Колесницы и конницу взял я с собой...

Ашшурнасирпал II

Вид человека, лихо гарцующего верхом на осле, не может не вызвать у нас сегодня снисходительной улыбки. Другое дело — лошадь! Она словно специально создана для того, чтобы скакать на ней, преодолевая расстояния и преграды.

Однако простая и логичная мысль о том, чтобы сесть на лошадь верхом, почему-то совершенно не приходила в голову человеку на протяжении тысячелетий после того, как это животное впервые было одомашнено. Как показывают новейшие данные, domestикация лошади произошла, вероятнее всего, в IV тысячелетии до н. э. в Северном Причерноморье³. Две тысячи лет спустя на огромных территориях Евразии получает распространение обычай использования легких двухколесных повозок, запряженных парой лошадей. В это время существовали уже развитые приспособления для управления упряжной лошастью (кожаная сбруя с металлическими распределителями ремней, удила с псалиями и др.). В принципе аналогичные по своему устройству колесницы мы находим в раскопках гробниц иньских правителей древнего Китая, на наскальных рисунках Монголии, Тувы, Алтая, Средней Азии, на египетских фресках. И хотя некоторые исследователи трактуют отдельные шумерские тексты, датируемые II тысячелетием до н. э., как косвенные свидетельства спорадического использования коня для верховой езды⁴, но изображений всадников в эту эпоху еще нет.

Впрочем, по крайней мере одно исключение из этого правила все-таки существует. В древнеегипетской батальной сцене, датируемой XIV в. до н. э., мы видим воина, скачущего верхом. В руках у него поводья, но они слишком длинны, чтобы сдерживать коня. Сидит этот человек в крайне не-

³ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства, М.: Наука, 1980, с. 231.

⁴ Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М.: Наука, 1977, с. 35—37.

удобной, неустойчивой и напряженной позе, почти на крупе (рис. 1). Не случайно поэтому многие исследователи считают, что перед нами не опытный всадник, а дезертир, решившийся на крайний риск: обрезав постромки и взгромоздившись на упряжную лошадь, он бежал с поля брани⁵.

В IX в. до н. э. верховых лошадей уже использовали в своей войне ассирийцы, но делали они это очень своеобразно. На бронзовом барельефе, относящемся примерно к 850 г., изображена группа всадников, стреляющих из луков. Характерно, что сидят эти лучники примерно так же, как это делал упоминавшийся нами египтянин, — сдвинувшись далеко назад, к крупу лошади. В таком положении контролировать действия коня шенкелями невозможно, а руки у воинов заняты. Поэтому чувствуют они себя на спине лошади явно неуверенно, и в тот момент, когда нужно спускать тетиву, их лошадей придерживают под уздцы пешие солдаты (рис. 2).

Это изображение относится ко времени «второго возвышения» Ассирии, когда Ашшурнасирпал II и Салманасар III предпринимали активные завоевательные походы против Урарту, Вавилона и других соседних государств. Возможно, что рассматриваемый барельеф свидетельствует о применении ассирийцами своеобразной новинки в области военной техники и тактики: севшие на лошадей лучники получали лучший обзор местности и могли поэтому эффективнее поражать врага. Но, произведя залп, они, видимо, тут же спешили, во всяком случае стрелять на скаку еще не умели.

После временного упадка Ассирийской державы, которым отмечена первая половина VIII в. до н. э., реформы Тиглатпаласара III создали предпосылки к ее новому возвышению. При Ассархаддоне ассирийцы уже широко применяли конницу. Полагают, что с наибольшим успехом она использовалась в пересеченной местности, где традиционным колесницам действовать было трудно. Дошли до нас и изображения ассирийских всадников этого времени.

На каменном барельефе из Ниневии (рис. 3) хорошо видны не только фигуры воинов, скачущих верхом, но и детали их вооружения, конская упряжь, даже выражение их лиц. Какова резкая разница в этих двух изображениях, которые разделяет не более двух столетий! Ассириец VII в. до н. э. сидел на лошади так же, как это принято и в наши дни. В его облике нет ни тени прежней скованности и неуверенности. Он галопирует, бросив поводья и размахивая боевым топором. Пожалуй, никто не усомнится в том, что он — профессиональный наездник. Чем же объяснить столь быстрый прогресс в технике верховой езды у ассирийцев?

Весьма убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые связывают распространение конницы в Ассирии с проникновением в Переднюю Азию кочевников-скифов⁶. Впервые этот народ упоминается в ассирийских текстах около 700 г. до н. э. То было время, когда скифские племена начали стремительно продвигаться из степей Придонья на юг, вдоль побережья Каспийского моря в Закавказье (недаром Эсхил назвал Кавказ «скифской дорогой»). Вскоре кочевники начинают всерьез вмешиваться в большую политику ближневосточных государств. Около 674 г. до н. э. царь скифов женится на дочери Ассархаддона и оказывает «царю царей» важную услугу, вступив с ним в союз. Впрочем, это не помешало скифам позже объединиться с мидийцами и захватить в 612 г. Ниневию, что привело в конечном итоге к падению Ассирийской державы. Вот на каком историческом фоне, надо полагать, и произошли те существенные сдвиги в военной технике, которые зафиксированы двумя ассирийскими барельефами.

⁵ Trippett F. The First Horsemen.—Time-Life International (Nederland) B. V., 1976, p. 62.

⁶ История древнего мира/Под ред. Дьяконова И. М., Нероновой В. Д., Свенцицкой И. С. Т. II. М.: Наука, 1982, с. 7—8.

Рис. 1. Древнеегипетское изображение всадника. XIV в. до н. э. (Trippett F. *The First Horseman*. 1976, p. 62). Этот и все последующие рисунки — прорисовки художника М. Г. Семашкевич

Рис. 2. Фрагмент ассирийского барельефа. Середина IX в. до н. э. (Trippett F. *Ibid*, p. 62)

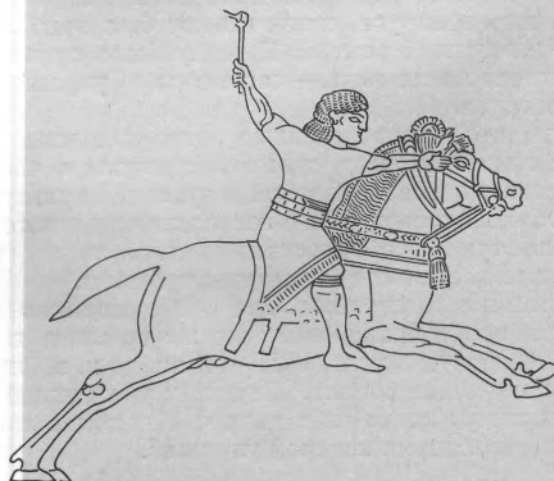

Рис. 3. Ассирийское изображение воина в седле. VII в. до н. э. (Trippett F. *Ibid*, p. 63)

Но взглянем на них еще раз и отметим, что умелые всадники Ассархаддона не пользовались стременами: их ноги плотно прижаты к бокам лошади, а носок оттянут вниз. Значит ли это, что, переняв у скифов манеру езды верхом, ассирийцы почему-то воздержались от использования столь важного атрибута конской упряжи, каким является стремя? Или сами скифы еще не знали стремян?

В поисках ответа на эти вопросы нужно обратиться к археологическим памятникам, оставленным племенами «скифского мира».

Все дороги ведут в Эрмитаж

*Взяв коня и сев
на него, скиф
несется куда хочет...*

Климент Александрийский

Лето 1924 г. Группа археологов, участников экспедиции этнографического отдела Русского музея, приблизилась к большому кургану, сферическая насыпь которого напоминала бесформенную кучу камней. За первым курганом, образуя цепочку, виднелось еще несколько каменных насыпей. Остановившись, исследователи с интересом всматривались в открывающуюся панораму ложбины древнего ледникового происхождения. У местных жителей она носила название Пазырык. Здесь, в Горном Алтае, в 80 км от Телецкого озера, даже в солнечный день было прохладно. Сказывалась высота: 1600 м над уровнем моря. Пологие буровато-зеленые холмы с небольшими рощицами стройных лиственниц уходили в голубую даль, сливаясь с изломанной линией Чулышманского хребта. Что могло здесь ждать ученых, было еще неизвестно, и небольшие рекогносцировочные работы, проведенные в долине руководителем экспедиции С. И. Руденко, казалось, не предвещали ничего особенного.

Но результаты раскопок Пазырыкских курганов буквально потрясли научный мир сенсационностью находок. Под каменной наброской обнаружилась ледяная линза, сохранившая, как в гигантском холодильнике, в течение двух с половиной тысяч лет почти в первозданном виде все то, чего обычно время не щадило, от чего даже порой не оставалось и следа. И хотя курган был еще в древности ограблен, сделанные в нем находки были поразительны. Они воскресили для нас удивительно ярко и образно давно ушедшие черты быта и культуры кочевников скифской эпохи. И среди самых интересных открытий была находка десяти трупов лошадей с полностью сохранившейся упряжью.

В первом Пазырыкском кургане были найдены конские седла. Они состояли из двух набитых шерстью кожаных подушек, соединенных между собой и с двух сторон накладывавшихся на спину коня. Поверх седла закреплялась подпруга, сзади к нему был присоединен подхвостник, спереди — нагрудный ремень. К седлу было привязано несколько ремешков, свешивавшихся вниз, — частью для украшения, частью для приторачивания груза.

Надо сказать, что многочисленные археологические исследования в Великом поясе степей Евразии свидетельствовали о чрезвычайной близости многих элементов материальной и духовной культуры этого «скифского мира». Объяснялось это как господством единого хозяйственно-культурного типа, так и особенностями кочевой жизни скифов, благодаря чему отдельные достижения культуры чрезвычайно быстро распространялись на огромные расстояния. Сравнение седел из Пазырыка с другими, известными по изображениям того же времени, давало основание полагать, что в скифскую эпоху (VIII—III вв. до н. э.) ни у одного народа стремян еще не существовало. К такому убеждению пришел и один из авторов этих строк, когда он в начале 60-х годов занялся специальным исследованием истории конской упряжи⁷.

⁷ Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 62.

Однако в то же время крупный советский археолог — специалист по истории скифской эпохи, касаясь упряжи скифов, утверждал: «По-видимому, с IV в. до н. э. появляются примитивные стремяна в виде ремennых петель... Без такого упора всадник, особенно тяжело вооруженный, не мог легко вылезти из седла»⁸.

Эту точку зрения разделяли также и другие исследователи. Единственным основанием для такого вывода обычно служила ссылка на знаменитую Чертомлыкскую вазу: на одном из ее фризов изображена оседланная лошадь со свисающим стремянем в виде петли⁹. Эта ваза хранится в Эрмитаже, но в Государственном историческом музее в Москве экспонируется ее копия. И действительно, на ней можно увидеть скифа, стреноживающего взнузданного и оседланного коня, у которого с седла свисает отчетливо видная петля.

Чертомлыкская ваза путала все карты. Вопреки совокупности фактов, казалось бы, свидетельствовавших о незнакомстве ранних кочевников со стремянами, с одного из скифских седел упрямо свешивалась вниз кожаная петля. Но может быть, при копировании древнего предмета допущена неточность? Нужно было ехать в Ленинград, чтобы ознакомиться с подлинником.

Ваза извлечена из шкафа. Увеличительное стекло позволило различить мельчайшие детали злополучного седла. И что же? Стремени в виде петли... на нем не оказалось! Вниз спускался тонкий и прямой конец подпружного ремня. Да, на московской копии, действительно, была явная неточность¹⁰.

Неисповедимы пути научного исследования. Прошло несколько лет... и когда эта статья была уже в основном написана, авторитетный английский журнал «Antiquity» опубликовал статью М. Литтауер, содержащую сенсационное утверждение, что у одного из двух всадников на известной золотой гривне из скифского кургана Куль-Оба, хранящейся в Эрмитаже, ею обнаружено стремя, укрепленное на цепи, а следовательно, уже скифы его знали¹¹. Это было полной неожиданностью. Что делать? Пришлось нам снова ехать в Ленинград, чтобы проверить и это сообщение.

Мнение Б. Б. Пиотровского, которому мы рассказали о цели нашего посещения, было вполне определенным: «Какие там стремяна, это же, вот, штрипки!». Идем в Особую кладовую Эрмитажа. Гривна лежит на специальном столе. Яркий свет. В руках сильная лупа. Осматривается каждый миллиметр изображения. У одного из всадников в левой руке повод, а правая рука свисает, сжимая в кисти какой-то отсутствующий предмет. Несколько ниже по внутренней стороне правой ноги идут, опускаясь вниз, две узкие золотые пластинки, тщательно сплетенные между собой. Чуть ниже колена плетение заканчивается небольшим узелком и продолжается в виде двух свободно свисающих узких пластин, не достигающих до конца штанов, причем один конец короче другого. Никакой связи со штрипкой. Никакого стремени. Так это же — поразительно реалистично и точно изображенный плетеный ремень. Такие же плети до сих пор можно увидеть в правой руке всадников — тувинцев, алтайцев, киргизов... Рукоятка тоже явно была, но, к сожалению, не сохранилась (отчетливо видно отверстие в кисти правой руки, где она находилась). Левая рука второго всадника держит повод, но его правая свободно опущена, кисть ее плотно сжата.

Таким образом, сейчас можно со всей определенностью говорить, что ни на одном известном изображении скифского времени стремян нет.

⁸ Смирнов А. П. Скифы. М.: Наука, 1966, с. 153.

⁹ Arendt W. W. Sur l'apparition de l'étrier chez les Scythes.— Eurasia septentrionalis antiqua, IX. Helsinki, 1934, p. 206, 208; Minns E. N. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, fig. 48; Кларк Г. Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953, с. 307, прим. 154.

¹⁰ Вайнштейн С. И., Указ. раб., с. 62.

¹¹ Littauer M. A. Early Stirrups.— Antiquity, LV. Cambridge, 1981, p. 99—105.

Зачем человеку варварская одежда!

Я слышал, что хуася изменяли варваров, но чтобы хуася изменялись под воздействием варваров, такого мне слышать не приходилось.

Мэн-цзы

Улин-вана, правителя древнекитайского царства Чжао, одолевали сомнения. Он прямо так и сказал своим приближенным, желая получить от них совет и поддержку: «Сам-то я уверен в том, что сделать это необходимо, но боюсь, что Поднебесная будет смеяться надо мной»¹².

Большинство сановников Улин-вана было категорически против предлагавшегося нововведения. Да и как мог добропорядочный конфуцианец, свято уверовавший в то, что только древнекитайские Срединные царства являются средоточием мудрости и непорочности нравов, согласиться на заимствование чего бы то ни было у варваров-соседей? Поэтому предложение царя казалось им кощунством над светлой памятью мудрых правителей прошлого: Улин-ван хотел ведь — подумать страшно! — перенять у варваров их одежду и заставить своих воинов надеть штаны.

В V—IV вв. до н. э. не одни только хуася (древние китайцы) с нескрываемым отвращением относились к идее о том, что уважающий себя мужчина может носить штаны. Вспомним хотя бы эллина Еврипида, который порицал Прекрасную Елену не за то, что та изменила своему Менелаю, а за то, что она предпочла ему варвара в пестрых шароварах вокруг чресел! Так что можно понять Улин-вана, желавшего в 305 г. до н. э. сначала тщательно взвесить все «за» и «против», а потом уж решиться на этот шаг.

К важной государственной реформе царя побуждали отнюдь не мода и не желание покрасоваться в столь эксцентрическом наряде. Государство Чжао лежало на границе между плодородным лессовым плато и степными просторами к северу от Ордоса. Улин-ван вознамерился подчинить себе своих ближайших соседей, которые добывали средство к жизни не земледелием, а пасли стада, «переходя с места на место в поисках травы и воды». Соседи были кочевниками, и Улин-ван понимал, что воевать с ними, не имея собственной конницы, бессмысленно. До той поры древние китайцы никогда не сражались верхом, предпочитая полагаться на мощь своих боевых колесниц. Теперь возникла необходимость реформировать войско и посадить воинов в седло. Вот для этого-то и пришлось правителю хуася, закрыв глаза на вековые традиции, ратовать за ношение штанов: без них верхом не очень-то повоюешь!

Как ни сопротивлялись приближенные-конфуцианцы, введение в чжаоском войске варварской одежды было в конце концов санкционировано, а вслед за Чжао стали вводить у себя конницу и другие древнекитайские государства. Но что же представляло из себя то седло, в которое Улин-ван посадил своих одетых в штаны воинов? И было ли оно оснащено стремями?

Один из самых ранних древнекитайских рисунков, воспроизводящих оседланную лошадь, дошел до нас на бронзовом зеркале IV в. до н. э. (рис. 4). Всадник, вооруженный коротким кинжалом, соскакивает с коня, чтобы вступить в единоборство с тигром. Седло изображено здесь в виде подушки, к передней части которой прикреплен ремень со свешивающейся вниз кистью. Стремя на рисунке нет.

Еще более убедительными явились результаты раскопок, производимых с начала 70-х годов по соседству с тем местом, где в 210 г. до н. э. был погребен император Цинь Шихуан, впервые объединивший древний Китай.

В непосредственной близости от грандиозной усыпальницы были открыты рвы, в которых находились терракотовые фигуры воинов-стражей.

¹² Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 6. Пекин, 1955, с. 2676 (на кит. яз.).

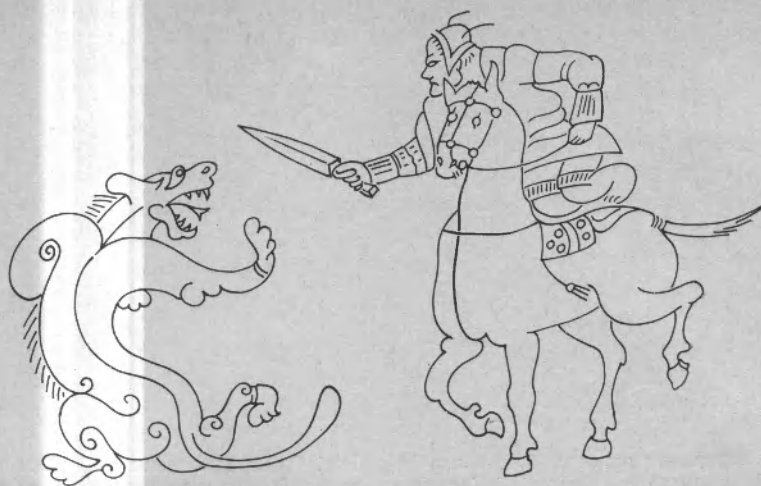

Рис. 4. Схватка с тигром. С древнекитайского зеркала IV в. до н. э. (Хаяси Минао. Китайское оружие в эпоху Инь-Чжоу. Токио, 1972, с. 431, на япон. яз.)

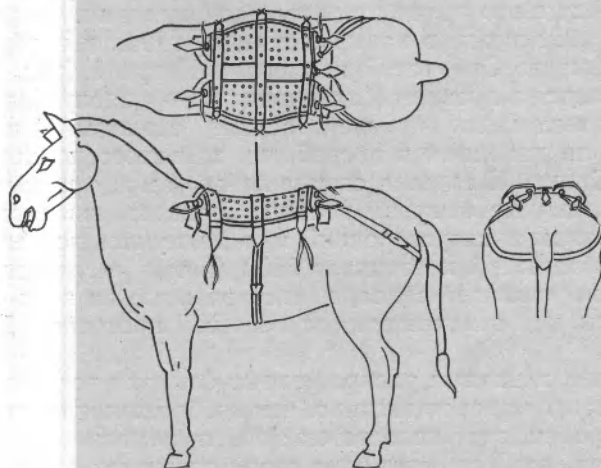

Рис. 5. Боевой конь под седлом. Статуэтка из погребения Цинь Шихуана. III в. до н. э. (Вэньу, 1978, № 5, с. 18, на кит. яз.)

Эти статуи изображали людей в натуральную величину. Тщательнейшим образом переданы детали костюма (в том числе, конечно, штанов), головных уборов, причесок. Реалистичность этих изображений настолько высока, что известный советский антрополог Н. Н. Чебоксаров считал даже возможным использовать их для характеристики расового типа древних китайцев III в. до н. э.¹³ Есть среди этих «гвардейцев Цинь Шихуана» и всадники: их несколько десятков, и у каждого наготове запасная оседланная лошадь. Для нас это особенно большая удача: есть возможность во всех деталях рассмотреть изображенные в натуральную величину седла.

Плоская стеганая подушка с небольшими поперечными утолщениями спереди и сзади; подпружный ремень застегивается слева под брюхом лошади большой металлической пряжкой; параллельно ему с седла спускаются еще два более коротких ремня, украшенных кистями: есть и подхвостный ремень, не позволяющий седлу сбиваться на холку. И никаких признаков стремян (рис. 5).

¹³ Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983, с. 77—80.

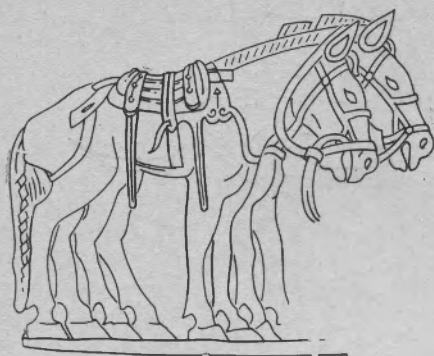

Рис. 6. Фрагмент золотой бляхи из Сибирской коллекции Петра I. Государственный Эрмитаж

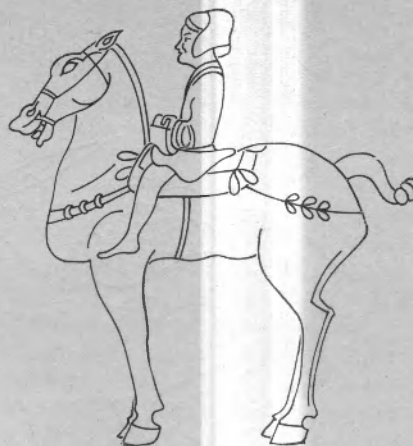

Рис. 7. Терракотовая статуэтка из древнекитайского погребения II в. до н. э. (Вэньу, 1966, № 3, табл. 1, на кит. яз.)

Древнекитайское седло III в. до н. э. обнаруживает, таким образом, явные черты, сближающие его с соответствующим предметом упряжи, употреблявшимся в это время степными кочевниками. Оно почти аналогично седлам, найденным в пазырыкских курганах и изображенным на золотой пластине из Сибирской коллекции Петра I (рис. 6). Этот тип седла употреблялся в древнем Китае и позже — в эпоху Хань.

О том, как выглядели древнекитайские седла во II в. до н. э., мы можем судить по находкам в погребении ханьского полководца, раскопанном близ Сиани. И здесь в специальных ямах рядом с гробницей расставлены глиняные фигурки воинов. Создается впечатление, что за своим начальником в потусторонний мир двинулась вся его армия: общее число изображений превышает 2300 (в том числе более 500 всадников). Плоские «мягкие» седла, представленные на этих статуэтках, в принципе ничем не отличаются от своего прототипа III в. до н. э. (рис. 7).

К сожалению, глиняные раскрашенные фигурки всадников из Сиани выполнены гораздо менее тщательно, чем изображения «гвардейцев Цинь Шихуана». Впрочем, этот недостаток отчасти компенсируется тем, что в нашем распоряжении есть еще одна серия статуэток (на этот раз бронзовых), изображающих всадников и оседланных лошадей. Они датируются I в. н. э. На них четко просматриваются седла в виде подушек, к краю которых пришиты кольца для ремней.

Во всех случаях древнекитайские всадники IV в. до н. э. — I в. н. э. сидят так же, как и скифы. Неслучайно поэтому на каменном барельефе II в. из Шаньдуна мы видим конюшню, где слуга чистит коня; рядом развешана упряжь — уздечка, седло, какие-то другие предметы, но стремян среди них нет.

Подножка из Чанша

Слово «дэн» [стремя] этимологически связано с понятием «подниматься», «садиться в седло».

Толковый словарь китайского языка

Наш читатель наверняка уже проявляет признаки нетерпения. В самом деле, полстатьи прочитано, а до стремян, оказывается, мы так и не добрались. Их не было ни у скифов, ни у ассирийцев, ни у китайцев вплоть до I—II вв.

Тогда, может быть, гунны?

Некоторые исследователи придерживались в свое время именно этой точки зрения. Так, например, Дж. Кларк утверждал, что металлические стремена впервые появились у центральноазиатских гуннов (сюнну) на рубеже нашей эры¹⁴. Жаль только что в подтверждение данной версии он не привел конкретных доказательств.

В Минусинском музее хранятся любопытные экспонаты — миниатюрные модели стремян. Обнаружены они не в инвентаре погребений, подвергнутых археологическим раскопкам, — это случайные находки из района среднего течения Енисея. Полагая, что позднее III в. модели вещей не встречаются в погребениях, Л. Р. Кызласов пришел к выводу: «Миниатюрные стремена следует относить, самое позднее, к уйбатскому этапу» (III в.)¹⁵.

Итак, древнейшие в мире стремена найдены на Енисее? Нет, это мнение вряд ли убедит всех участников спора у постаментов Медного Всадника. И не убедит прежде всего потому, что ни в одном археологическом комплексе гунно-сарматского времени ни в Азии, ни в Европе вместе с конской упряжью ни разу не были найдены стремена¹⁶. Что же касается недатированных миниатюрных стремян, то они могут относиться и к гораздо более позднему времени: на верхнем Енисее обычай класть в погребения votивные модели вещей археологически засвидетельствован в различных памятниках вплоть до VI—VIII вв.

Древнейшими в мире предметами, имеющими прямое отношение к изобретению стремян, остаются сегодня находки в погребении № 21 близ Чанша (Центральный Китай). Относительно даты этого захоронения двух мнений быть не может: на кирпичах, использованных при сооружении гробницы, есть текст: «Сделано в десятый день пятой луны второго года Юн-пин». В древнем Китае, как и в большинстве других стран, летосчисление велось по годам правления царей. Достаточно взглянуть в справочник, чтобы убедиться: второй год Юн-пин — это 302 г. н. э.

Среди многочисленных фигурок людей, которые должны были сопровождать погребенного в иной мир, 14 статуэток оседланных лошадей, 13 из них со всадниками. Ноги у всех свободно свисают. Но что это? В трех случаях спереди слева у седла видны какие-то своеобразные приспособления на ремне. Стремена? Эта находка и некоторые другие факты позволили прийти к выводу, что стремя, без которого мы сейчас не можем представить себе верховой езды, начиналось вот с такого несложного приспособления, что это — прототип будущего стремени, своего рода «подножка», которой пользовались, чтобы легче было сесть в седло. Не случайно помещается она с левой стороны седла: на коня всегда садились слева. Вставил ногу в эту петлю, вскочил верхом, а тут уже можно ногу освободить, потому что сидеть с ногой на «подножке» неудобно: она закреплена слишком высоко. Вот почему всадников из Чанша на первый взгляд не отличишь по их позе ни от скифов, ни от воинов Цинь Шихуана (рис. 8).

Открытие изображений всадников с односторонними «подножками», прикрепленными к седлу, имело принципиальное значение для исследования истории стремян. Оно сразу привлекло к себе пристальное внимание специалистов¹⁷. Но оставались еще и некоторые сомнения: в какой мере такие «подножки» были типичны для своего времени? Ведь вообще-то не исключено, что по тем или иным причинам мастер, изготовлявший статуэтки из Чанша, ограничился изображением одного стремени, хотя в действительности всадники тогда уже пользовались двумя.

¹⁴ Кларк Г. Указ. раб., с. 307.

¹⁵ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960, с. 140, рис. 51, 9, 10.

¹⁶ В этой связи представляет интерес недавняя находка в Анапе надгробия II в. н. э. с изображением всадника и двух оседланных коней: на нем отчетливо видны «мягкие» седла без стремян (находка хранится в Институте археологии АН СССР).

¹⁷ Впервые эти выводы сделаны в 1966 г. С. И. Вайнштейном (Указ. раб. с. 64). См. также: Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.). — Сов. археология, 1973, № 4, с. 83; Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979, с. 164—165.

Ответ скептикам был дан фактически еще в 1973 г., когда близ Аньяна, в провинции Хэнань (КНР), было раскопано погребение начала IV в. с многочисленными предметами конской упряжи. К сожалению, опубликованы эти материалы были лишь почти десять лет спустя, но зато теперь они уже не выглядят единичным свидетельством, а прекрасно вписываются в широкий исторический контекст.

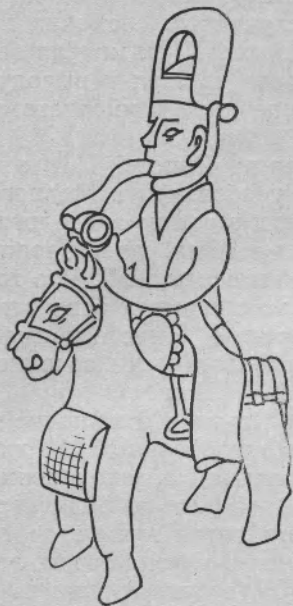

Рис. 8. Седло с левосторонней «подножкой». Погребальная фигурка из Чанша. 302 г. (Каогу сюэбао, 1959, № 3, табл. XII-3, на кит. яз.)

В погребении № 154 близ Аньяна было обнаружено захоронение, принадлежавшее, по всей видимости, знатному сяньбийцу — одному из тех, кто в начале нашей эры на протяжении нескольких столетий чувствовал себя хозяином Северного Китая. В результате «варварского» завоевания здесь возникло несколько государственных образований, основанных бывшими кочевниками. Погребенный лежал на спине, под головой у него было седло. Благодаря этому все детали последнего оказались при раскопках неповрежденными. У археологов появилась редкая возможность реконструировать весь комплекс конской упряжи IV в.

Аньянское седло имело жесткую деревянную основу, подобную той, которую мы видим, например, на объемном изображении оседланной лошади из Турфана, относящемся примерно к тому же времени¹⁸. Первое, что бросается в глаза, — это вертикальные плоские луки (передняя несколько меньших размеров, задняя более массивна). Седло фиксируется на спине лошади посредством двух подпружных, нагрудного и подхвостного, ремней, украшенных накладными бронзовыми бляшками с позолотой.

Слева на коротком ремне с седла свешивается бронзовое позолоченное стремя — та самая «подножка», которую мы видели на статуэтках из Чанша (рис. 9).

Читатель, глядя на эти рисунки, вероятно, согласится с тем, что без подножки тяжелооруженный всадник вообще не мог бы сесть в седло с такими высокими луками.

А от подножки до настоящего стремени — рукой подать...

У Восточного моря и еще дальше

Осенью 15 года правления нашего императора Одзина царь корейского государства Кудара преподнес двух прекрасных коней, содержать которых было решено в Курано-Сакауэ в Ямато.

Древнеяпонское историческое сочинение «Нихон сёки»

«...И когда луч света через разлом в потолке коридора проник вниз и мы увидели в полумраке гробницы восьмигранную колонну — радости нашей не было конца. Забыв обо всем, мы принялись, как дети, обнимать друг друга и кричать „мансэй!“». Затем по одному через щель стали спускаться вниз...».

Так описывает корейский археолог То Юхо начало раскопок одной из гробниц царства Когурё, ставшего в IV в. одной из могущественных держав Восточной Азии.

¹⁸ Памятники материальной культуры Синьцзяна. Пекин, 1975, с. 27, № 44 (на кит. яз.).

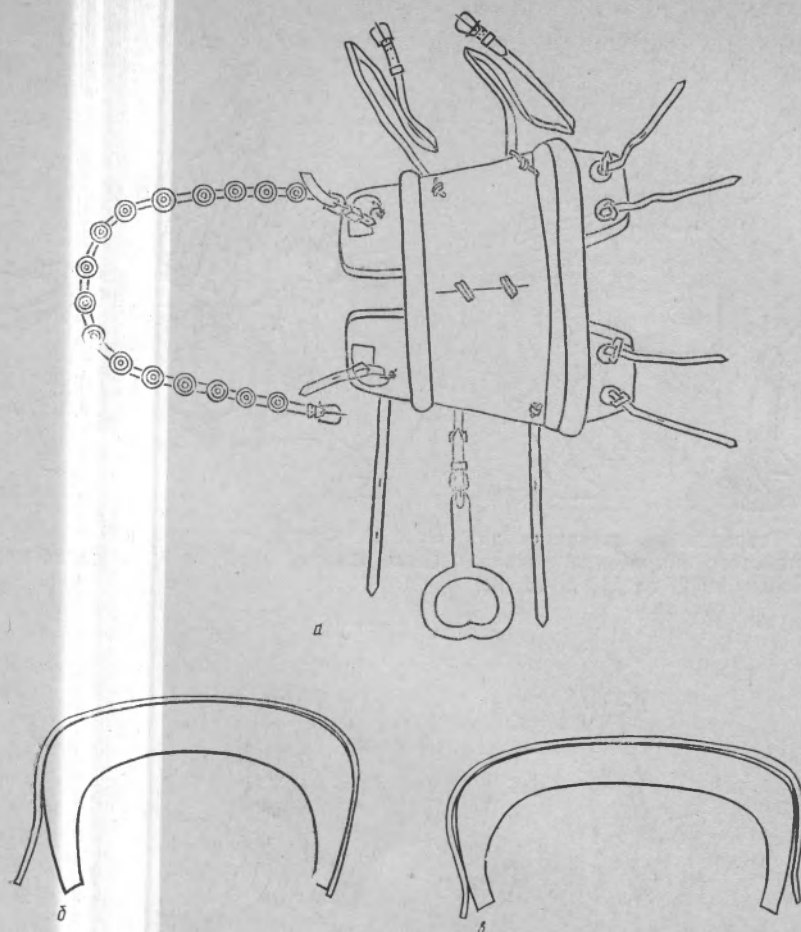

Рис. 9. Реконструкция седла из Аньяна. Начало IV в. (Каогу, 1983, № 6, с. 557, табл. I—2, 3, на кит. яз.); а — вид сверху; б — накладка на переднюю луку; в — накладка на заднюю луку

Первоначальная территория формирования когуресской этнической общности лежала в восточной части Маньчжурии и на севере Корейского полуострова, в непосредственной близости к местам обитания кочевников-сяньбийцев. В IV—V вв. когуресцы, как и китайцы, оказались в самой гуще событий, получивших название «восточноазиатского переселения народов». Значительные массы населения пришли в движение, перемещаясь на огромные расстояния и усваивая по дороге новые для них черты культуры и быта, и среди этих черт — комплекс элементов материальной культуры, представлений, привычек, связанных с конем.

Так вот, именно в этот период времени в низовьях Янцзы, в горных долинах Кореи и на далеких Японских островах, в разных точках восточноазиатской ойкумены, на фресках, в погребальной пластике и даже в форме диковинных сосудов появляются изображения всадников. Их очень много, но все они похожи друг на друга и резко отличаются от наездников предшествовавших эпох.

Самое раннее из этих изображений найдено в гробнице древнекитайского аристократа из рода Ван близ Нанкина (рис. 10). По ряду признаков оно может быть датировано первой четвертью IV в., вероятнее всего 322 г. И вот когда смотришь на когуресского всадника с фрески IV в. (рис. 11), то трудно отделаться от мысли, что он скачет на коне, которого оседлали в Нанкине. И уже тем более трудно отличить его от конного воина из знаменитого кургана «Золотых колокольцев» в Силла (рис. 12). Он относится к V в.; несколько более поздним временем датируются японские ханива в виде оседланных лошадей (рис. 13).

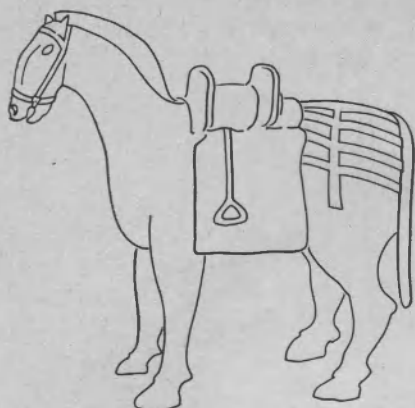

Рис. 10. Терракотовая статуэтка из древнекитайского погребения начала IV в. (Вэньу, 1972, № 11, с. 40, на кит. яз.)

Рис. 11. Фрагмент когуресской фрески. IV в. (Кого минсок, 1966, № 3, с. 12, на кор. яз.)

Рис. 12. Сосуд в виде всадника. Силла. V—VI вв. (Каталог выставки «Пять тысяч лет корейского искусства». Токио, 1976, № 64, на япон. яз.)

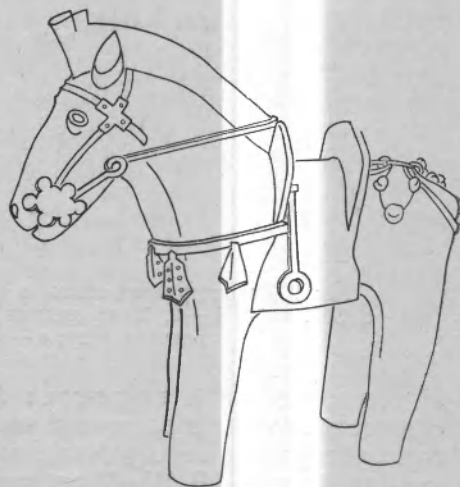

Рис. 13. Ханива. VII в. Национальный Токийский музей

Сравним эти изображения и убедимся, что сходство их заключается не только в идентичности всего набора компонентов сбруи, но и в их специфических особенностях. Совершенно не похоже на прежнюю мягкую подушку седло: оно оснащено теперь двумя высокими вертикальными луками, так что всадник оказывается плотно зажатым между ними. Совершенно очевидно, что такие луки могут быть лишь у жесткого седла с прочной деревянной основой.

Вторая особенность — длинная (кожаная?) лопасть, свешивающаяся ниже уровня ступней всадника. Появление этой детали седла объясняется, надо полагать, тем, что ноги наездника теперь вставлены в стремяна и без лопасти ими можно поранить бока коню.

А вот и стремяна! Это уже не подножка, потому что, сев в седло, человек не вынимает ноги из стремян, а упирается в них, повышая тем самым свою устойчивость и более уверенно управляя конем. Благодаря этому всадник может теперь стрелять на скаку.

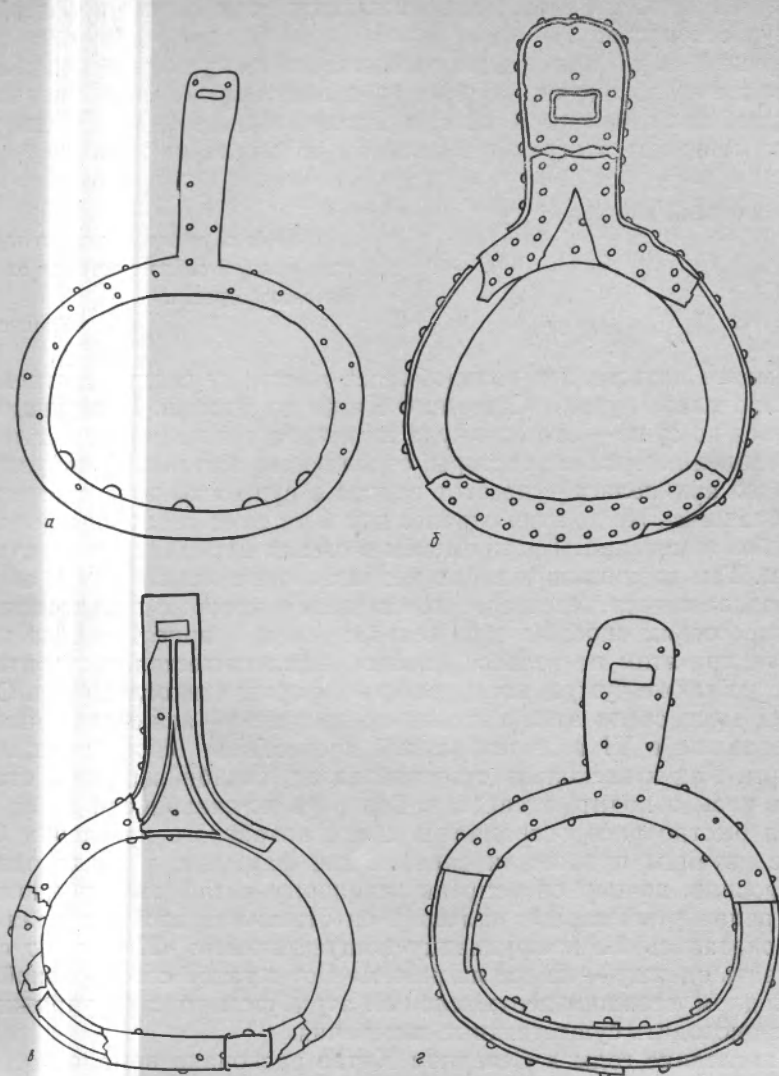

Рис. 14. Стремена V—VI вв.: а — когурёссы (Каору, 1977, № 2, с. 124, на кит. яз.); б — сяньбийцы (Вэньу, 1973, № 3, на кит. яз.); в — силласцы (археологическая коллекция Умэхара, Тоёбунка, Токио, № 6503, на япон. яз.); г — древние японцы (*Окадзаки Такаси*. Эпоха Вэй Цзинь, Южных и Северных династий. Токио, 1977, с. 72, на япон. яз.)

На изображениях оседланных лошадей IV—VI вв. стремена переданы довольно условно, и, рассматривая их, трудно даже предположить, что на протяжении этих двух-трех столетий с ними происходили любопытные изменения.

Судить об этом мы можем благодаря находкам в погребениях настоящих стремян вместе с другими компонентами конской сбруи. Вероятно, самыми ранними экземплярами являются два стремени IV в. из когуресских захоронений в Цзиане (провинция Цзилинь). Они деревянные, окованы позолоченной листовой бронзой (рис. 14, а) и как две капли воды похожи на «подножку» из Аньяна. Аналогичные стремена обнаружены также в могиле сяньбийского правителя, умершего в 415 г. Форма их несколько иная: вертикальная планка стала короче (рис. 14, б). Сохранность предметов хуже предыдущих, но это между прочим дает возможность конкретно представить себе способ изготовления таких стремян: их деревянная основа согнута из одного прута. Почти совершенно не отличаются от них стремена из кургана «Золотых колокольцев» в Силла (рис. 14, в), а вот в силланском кургане «Небесной

лошади» найдены стремена, приближающиеся по форме к более раннему, когуресскому типу.

В конце V в. в Силла начинают изготавливать стремена, применяя для оковки уже не позолоченную бронзу, а листовое железо. Именно такие стремена были завезены в VI в. в Японию (рис. 14, з). Позднее здесь впервые появляются стремена, целиком кованные из железа.

Кокзальский аккорд

*И одел на коня огромное, как перевал,
ярко-красное седло с остовом из сан-
далового дерева...*

Тувинский эпос

Не менее двухсот лет понадобилось жесткому седлу со стременами, чтобы проделать путь от Северного Китая до Японии. И неудивительно! Двигаться по суше — это еще куда ни шло, а вот как оседланные лошади преодолели морские просторы, отделяющие Корейский полуостров от Японского архипелага, — на этот вопрос в сущности пока еще нет ответа. Добравшись же до этих отдаленных мест само седло еще долго оставалось без изменений. Тем временем в степях Евразии жизнь шла своим чередом. Там возникали и гибли недолговечные подлитические образования, создававшиеся недавними кочевниками, которые передавали своим оседлым соседям способы обращения с конем и приготовления кумыса, усваивая при этом не только навыки земледелия и строительства жилищ, но также чужую письменность и формы стихосложения. Одно из ведущих мест среди этих народов по-прежнему занимали сяньбийцы, переживавшие в VI в. своеобразный «ренессанс» своей традиционной культуры. Как и несколько столетий назад, сяньбийцы вновь стали заплетать косы и ходить в сапогах. Говорить по-сяньбийски стало модой, которая быстро распространялась среди китайского населения Севера. Многие китайцы принимали сяньбийские фамилии, а когда одного из них спросили, почему он вопреки исконному китайскому обычаю носит халат, запахнутый справа налево¹⁹, он ответил фразой, которая наверняка показалась бы конфуцианцу кошунственной: «На какую сторону запахивать одежду — не все ли равно!» Вот в такой своеобразной ситуации с седлом, ставшим неотъемлемым атрибутом конской упряжи, начинают происходить существенные изменения.

За последние годы в Северном Китае раскопано немало погребений VI в. Эпитафии, клавшиеся в могилу, позволяют судить о том, что некоторые из них принадлежат сяньбийцам, другие — китайцам, хотя сопровождающий инвентарь не обнаруживает сколько-нибудь значительных различий. На полихромных фресках нередко изображены всадники и лошади: в потустороннем мире человека должно было окружать все то, к чему он привык при жизни. Если внимательно присмотреться к этим изображениям, то можно обнаружить на них следы трансформации седла и стремян.

Стремя теперь уже не круглое, как раньше: оно состоит как бы из двух частей. Нижняя часть — плоская и прямая, а верхняя — удлиненная и по форме напоминает арочный свод. Нога в таком стремени, бесспорно, более устойчива, а это позволяет надежнее контролировать коня шенкелями. Очень жаль, что в эту эпоху было принято покрывать оседланных лошадей попоной. На изображениях она скрывает от нас детали конструкции седла. Но и по общим контурам его можно с уверенностью утверждать, что луки теперь уже не расположены вертикально, как прежде, а изогнуты и плавно переходят в сиденье. Именно такая конфигурация седла отчетливо видна и на терракотовой статуэтке из погребения, датированного 576 г. (рис. 15).

¹⁹ Такая традиция ношения одежды восходит к эпохе ранних кочевников и была характерна еще для скифов. Следовали ей и древние тюрки. См. *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* Об облике древних тюрков — В кн.: *Тюркологический сборник*. М.: Наука, 1966, с. 182—185.

Мы не в состоянии снять с этих скакунов попону, мешающую нам как следует рассмотреть предмет наших изысканий. Выход один — искать материальные остатки седла, выглядевшего весьма изящно на изображениях VI в. Основа его была сделана из дерева, недолговечного материала, увы, столь редко сохранявшегося в погребениях. Однако ведь бывает же на свете везение?..

Путь археолого-этнографического отряда Тувинской экспедиции Института этнографии АН СССР в один из жарких летних дней 1959 г. лежал в долину р. Алды-Ишкин. Почти плоский и однообразный степной пейзаж Западной Тувы, лишь кое-где иссеченный линиями арыков,

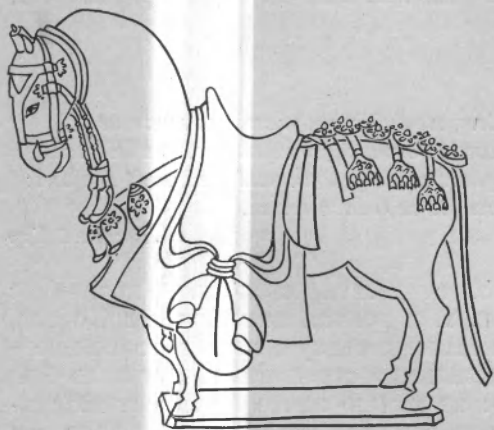

Рис. 15. Оседланный конь. Погребальная статуэтка. Северный Китай. 576 г. (Каогу, 1979, № 3, с. 240, на кит. яз.)

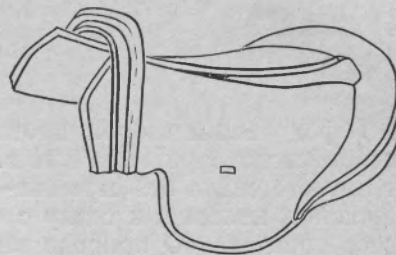

Рис. 16. Седло древнетюркского типа. Кокель VII—VIII вв. (Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— Сов. этнография, 1966, № 3, с. 68)

постепенно сменили холмистые предгорья Западного Саяна. Преодолевая подъем, машина медленно поднималась к урочищу Кокэль. Справа и слева от дороги виднелись невысокие, но огромные по площади каменные насыпи неправильных очертаний, а рядом с ними в нескольких местах — небольшие, поросшие травой округлые курганы. Осматривая этот обширный могильник, исследователи обнаружили здесь помимо курганов древнетюркские оградки и любопытное каменное изваяние тюркского воина в латах, как бы стерегущего вечный покой усопших. Отряд приступил к раскопкам. Результаты исследования могильника Кокэль превзошли все ожидания. Здесь были открыты и тщательно изучены памятники скифского времени, огромные курганы-кладбища племен гуннского мира со многими сотнями непотревоженных погребений, а также древнетюркские курганы, разбросанные в разных частях могильника. Последние были оставлены местными кочевыми племенами во второй половине I тысячелетия, но время их сооружения разделяли многие десятилетия²⁰. И вот в них была впервые открыта уникальная серия хорошо сохранившихся конских седел.

Кокэльские седла (рис. 16) были значительно совершеннее прежних. Изменились формы полков и лук. Последние стали изящнее и намного ниже, они (особенно задняя) теперь слегка наклонены и за счет этого более плавно и органично вписываются в силуэт седла. Были и другие конструктивные новшества. Все это сделало седло более удобным для всадника. Теперь ему было намного легче садиться на коня, поворачиваться на всем скаку, наклоняться вперед или назад, что было особенно важно при использовании нового вида оружия — сабли.

²⁰ Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— В кн.: Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.—Л.: Наука, 1966, с. 292—347.

Как время появления нового типа седла в VI в., так и территория его распространения в это время позволяют предполагать, что это изобретение связано с древнетюркскими кочевыми племенами, передавшими его поздним сяньбйцам, китайцам и другим соседним народам Центральной и Восточной Азии. В VII—VIII вв., по мере распространения влияния древнетюркской культуры, новый тип седла далеко вышел за пределы собственно тюркского мира, став достоянием многих народов Азии и Европы.

Дальнейшая эволюция седла привела к образованию на рубеже I и II тысячелетий новых форм, сохранявшихся у номадов до этнографической современности, но исходным для них был древнетюркский тип седла.

Очень краткий эпилог

*...Если же будем мы знать, что ничто не
способно возникнуть из ничего, то тогда мы
гораздо яснее увидим наших занятий предмет:
и откуда являются вещи...*

Лукреций Кар

Перед нашим взором прошло более десяти столетий — начиная с ассирийского барельефа VII в. до н. э. и кончая находками в Кокэле, от мягкого седла без стремян — к жесткому седлу с левосторонней подножкой и, наконец, к седлу с «настоящими» стремянами. Да, прав был автор трактата «О природе вещей»: из ничего ничто не может возникнуть. И хотя мы старались проследить весь ход исторического процесса появления седла и стремян, многие детали этой проблемы еще ждут своего исследователя. Остается пока не известным, каким образом произошел скачок от мягкой подушки к седлу с вертикальными луками, и будущие находки, несомненно, во многом дополнят обрисованную выше картину. И еще одно немаловажное замечание. Хотя появление технически совершенных жестких седел со стремянами было прогрессивным явлением в развитии культуры, но и поныне у некоторых народов всадники нередко пренебрегают предостережением Расула Гамзатова («Стремян не теряйте, друзья!») и, подобно бедуинам Аравии, обходятся без стремян, полагая, что пользуются ими лишь плохие наездники...